

Перов Вадим Юрьевич, Новикова Ольга Валерьевна

НЕЙРОЭТИКА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СВОБОДЫ И ДЕТЕРМИНИЗМА В КОНЦЕПЦИИ Д. ДЕННЕТА

Целью данной статьи является анализ свободы и детерминизма в современной нейроэтике на примере работ одного из наиболее влиятельных когнитивистов Д. Деннета. При рассмотрении его теории были выявлены ключевые моменты в его философской концепции: поступки человека и их причины рассматриваются с бихевиористической точки зрения, только их проверяемая средствами естественных наук составляющая признается значимой. Критический анализ его работ выявил методологические и логические ошибки в рассуждениях Д. Деннета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/8/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(70) С. 169-173. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Русова Н. Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. М.: Флинта; Наука, 2004. 304 с.
7. Топоров В. Н. Древо жизни // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. 672 с.
8. Чегодаева М. А. Искусство, которое было. Пути русской книжной графики 1917-1936. М.: Галарт, 2012. 384 с.
9. Чегодаева М. А. Искусство, которое было. Пути русской книжной графики 1936-1980. М.: Галарт, 2014. 368 с.

FUNCTIONS OF CONVENTIONALITY IN THE BOOK ILLUSTRATION

Pavlova Aleksandra Andreevna
Moscow State University of Printing Arts
alexandra.pavlova90@yandex.ru

The article is devoted to investigating conventionality in the literary illustration. The author emphasizes the dependence of conventionality on the affiliation of an illustration to the book block and on its purpose to express literary content. Relying on the conducted analysis the author identifies three functions of conventionality in the book illustration: plastic, objective, sign ones. The proposed classification satisfies the nature of conventionality as a conscious modification included in the structure of the illustration's linguistic tools and aimed to achieve its purposes.

Key words and phrases: conventionality; illustration; artistic image; means of artistic expressiveness; semantics.

УДК 17.034

Философские науки

Целью данной статьи является анализ свободы и детерминизма в современной нейроэтике на примере работ одного из наиболее влиятельных когнитивистов Д. Деннета. При рассмотрении его теории были выявлены ключевые моменты в его философской концепции: поступки человека и их причины рассматриваются с бихевиористической точки зрения, только их проверяемая средствами естественных наук составляющая признается значимой. Критический анализ его работ выявил методологические и логические ошибки в рассуждениях Д. Деннета.

Ключевые слова и фразы: нейроэтика; когнитивистика; свобода; детерминизм; причинность; рациональность.

Перов Вадим Юрьевич, к. филос. н., доцент

Новикова Ольга Валерьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

vdimperov@gmail.com; novikova.o@hotmail.com

НЕЙРОЭТИКА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СВОБОДЫ И ДЕТЕРМИНИЗМА В КОНЦЕПЦИИ Д. ДЕННЕТА

Целью настоящей работы является рассмотрение анализа проблемы свободы в современной нейроэтике на примере когнитивистской концепции Д. Деннета. Проблема свободы является ключевой для этики. «Тавтологически» истинной и тривиальной признается идея о том, что свобода есть необходимое условие и предпосылка нравственности: человек является нравственным только в той мере, в какой он является свободным. Но данное утверждение оказывается проблематичным, как только в центре внимания оказывается необходимость причинно-следственных связей объективной действительности, в связи с чем возникают обоснованные сомнения в самом факте существования свободы, и, следовательно, нравственности. Эта проблема была известна еще с античности. Так, например, Эпикур, который ввел идею свободного отклонения атомов, обосновал отказ от детерминистического атоизма Демокрита именно обращением к практическому поведению людей: «Те, которые дали впервые удовлетворительное объяснение (природной закономерности) и не только далеко превзошли своих предшественников, но и живших после них, хотя во многом были великими людьми, но тем не менее незаметно для себя в ряде случаев рассуждали поверхностно, считая всемогущей слепую необходимость. Учение, проповедовавшее такие взгляды, потерпело крах, у этого (великого) мужа (т.е. у Демокрита) теория приходит в столкновение с практикой: если бы он в практической деятельности не забывал о своей теории, то он постоянно сам приводил бы себя в замешательство, и в тех случаях, когда теория брала бы верх (над практикой), попадал бы в самое безвыходное положение, а где она не брала бы верх, он оказывался бы полон (внутренних) противоречий, так как его поступки противоречили бы его взглядам» [4, с. 21]. И. Кант видит в соотношении необходимости и свободы фундаментальную проблему, формулируя ее в качестве одной из антиномий чистого разума в области рациональной космологии: «Тезис. Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность... Антитезис. Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы» [2, с. 418-419]. Но если в рамках «чистого разума» И. Кант мог остановиться на неразрешимости указанной антиномии, то в рамках деятельности «практического разума»

(моральной философии) он был вынужден допустить обоснование свободы. Показательно в этом смысле название одного из параграфов работы «Основы метафизики нравственности»: «Свободу должно предполагать как свойство воли всех разумных существ» [3, с. 291]. Иными словами: доказать существование свободы при помощи науки, основанной на опыте, нельзя, но нужно признать ее в силу существования нравственности.

В предельно обобщенном виде, решения проблемы соотношения свободы и необходимости могут быть представлены следующим образом: 1) свобода есть нечто самостоятельно существующее (волюнтаризм и индетерминизм); 2) свободы нет (фатализм и детерминизм); и 3) различные виды признания ограниченной свободы, совместимой с детерминизмом, которые в современной терминологии чаще всего определяются как компатибилизм (от англ. *compatibility* – совместимость), ярким сторонником которого является Д. Деннет. В настоящее время обращение к проблемам свободы воли¹ во многом обусловлено развитием когнитивистики², особенно нейрофилософии и нейроэтики, в основе которых лежит теоретическая предпосылка возможности использования при изучении сознания и основанного на нем поведения человека исключительно методов естественных наук. И главный возникающий вопрос: определяются ли поступки (особенно, нравственные) полностью естественными (физическими, химическими, биологическими, нейрофизиологическими и т.д.) причинами, или существует хоть что-то, что может быть признано в качестве свободы воли? При этом свобода воли в рамках когнитивистики понимается практически так же, как понимал свободу Аристотель, т.е. через понятие причины: «Поскольку [нравственная] добродетель связана со страстями и поступками... то при внимательном исследовании добродетели необходимо, вероятно, разграничить произвольное и непроизвольное; это могут использовать и законодатели, назначая награды и наказания... причем подневольным является тот поступок, источник которого находится вовне...» [1, с. 95]. Иными словами: признаком свободы является то, что контролируется действующим субъектом и зависит только от него.

Можно выделить нескольких классических авторов, на концепции которых ссылаются практически во всех исследованиях современной философии когнитивизма: Н. Хомский (N. Chomsky), П. Тагард (P. Thagard), Дж. Серл (J. Searle) и Д. Деннет (D. Dennett). Последнего по праву можно считать исследователем, оказавшим и до сих пор оказывающим большое влияние на весь комплекс философско-ориентированных когнитивных наук. Более того, он один из немногих авторов в этой области, обращающихся к этической проблематике, главным образом к проблеме свободы и детерминизма, важность решения которой была отмечена выше. Именно поэтому анализ его работ можно считать анализом отношения к этике в когнитивистике в целом.

Методологически когнитивистика опирается на традицию бихевиоризма, разработанного Б. Скиннером (B. Skinner). Согласно бихевиористической точке зрения только внешнее поведение может быть научно исследовано, и, следовательно, только оно принимается в расчет при оценке психологического поведения человека. Его мотивы и внутренние переживания остаются «за кадром». Таким же образом исследуется и оценивается моральное поведение. С точки зрения этого подхода, этические ценности появляются только в момент их проявления в наблюдаемом поведении. Причины такого поведения ищутся тоже только в эмпирически проверяемых факторах, например, в фактах, которые можно зафиксировать в среде взросления человека, в поведении его родителей, в состоянии здоровья, в событиях в его жизни и т.д. Поскольку при таком подходе не остается места для внутреннего мира человека, в том числе и для его свободы, ведь все поступки обусловлены какими-то внешними причинами из детства и окружения, то такой подход оказывается последовательно детерминистическим. По мере развития когнитивистики важную роль начала играть и нейронаука (воплотившаяся в нейрофилософии и нейроэтике), целью которой в данном комплексе наук стало исследование мозга на физиологическом уровне, чтобы в конечном итоге получить полную картину о связи психики и биологической составляющей разума. Когнитивисты этой области полагают, что у поведения человека есть более глубокие причины, нежели только психические. Такими причинами являются нейроны и нейронные сети, которые передают импульс для того, чтобы человек совершил те или иные действия. Иными словами, определенная активность нейронов предшествует и предопределяет поступки человека. Таким образом, общей тенденцией в когнитивистике является отрицание свободы выбора человека, она не существует, и представления о ней являются лишь иллюзией. А поскольку этика основывается на предпосылке, что морально значимым можно считать только тот поступок, который был совершен свободным индивидом, то получается, что моральных поступков когнитивисты не допускают. Это приводит к последнему заключению, что этики в когнитивистике тоже нет, по крайней мере, в ее традиционном значении.

В своей работе “On Failures of Freedom & the Fear of Science” («О провалах свободы и страхе перед наукой») Д. Деннет начинает свое рассуждение со связи общего философского понятия свободы воли со свободой принимать рациональные решения. Как пример он рассматривает психологические «трюки», которые применяют маркетологи для того, чтобы заставить покупателей купить ненужные им вещи. Он утверждает, что распространенность этого трюка в разных его формах и то, что некоторые люди на них поддаются, наводит на мысль об отсутствии свободы воли как таковой. Ведь попадаясь на этот трюк, мы подчинены не своей воле, а чужой. Хотя он и говорит, что не все, а только большинство людей попадают на такие трюки, он делает обобщение

¹ В данной статье понятия свободы, свободы воли и свободы выбора, различия между которыми были существенны для ряда философов (например, Ансельм Кентерберийский, И. Кант и др.), рассматриваются как синонимы.

² Следует отличать от когнитивизма и некогнитивизма (в строгом смысле) в этике, в центре внимания которых проблема истинности моральных норм и ценностей и решение вопроса о том, являются ли последние результатом деятельности познающего разума.

для всех людей, отказывая им всем в свободе воли. Рассматривая этот пример, Д. Деннет склоняется к тому, что в этом процессе человек не свободен, потому что покупает ненужную ему, бесполезную вещь. Это приводит его к выводу, что в этот момент человек, подвергаясь манипуляции, не рационален в своем выборе, поскольку действует неосознанно. В логике данных рассуждений присутствует несколько моментов для возможной критики.

Во-первых, следуя методологической традиции бихевиоризма в когнитивистике, Д. Деннет не проводит анализ мотивов покупателя, а описывает лишь его внешнее поведение, и в данной ситуации причина (мотив) покупки не является очевидной. Таких причин может найтись много и, более того, несколько из них могут воздействовать на человека одновременно: он может посчитать вещь красивой, купить ее в подарок, радость совершения покупки может стать возможностью для снятия стресса и т.д. В таком случае представления о полезности становятся более широкими, а купленная вещь не настолько ненужной, как может показаться.

Во-вторых, Д. Деннет не дает определения используемому понятию рациональности, поэтому не понятно, как оценить ее наличие или отсутствие в поступке человека. Исходя из контекста работы, рациональность рассматривается, как наличие сознательно воспринимаемых причин, выступающих необходимым и достаточным основанием для принятия решения действовать тем или иным образом, т.е. способность самостоятельно оценивать ситуацию, видеть причинно-следственные связи и поступать соответственно этой оценке: «Когда психологи демонстрируют нашу несовершенную рациональность, нашу восприимчивость к тому, чтобы нас передвигали в пространстве причин чем-то иным, но ценными для сознания причинами, мы боимся, что в конечном итоге не свободны» [7, р. 127]. Но при такой интерпретации остается неопределенным то, что понимается под «ценными для сознания причинами» в том или ином конкретном случае. Тем более что в одних ситуациях (наличие одинаковых внешних факторов) люди поступают по-разному. Например, далеко не все люди одинаково поддаются маркетинговым трюкам. Да, люди разные, но означает ли это, что и рациональность у них разная? Д. Деннет не дает аргументированного ответа на этот вопрос.

В-третьих, Д. Деннет рассматривает только двух действующих субъектов в вопросе свободы воли: самого человека и того, кто им манипулирует. Здесь возникает также несколько вопросов, на которые Деннет не дает ответа. Например, как оценивать ситуацию, в которой человек приобретает бесполезную вещь без участия третьих лиц? Такой поступок тоже не рационален, но момента манипуляции в нем нет. Свободный ли он? Кроме того, даже если допустить, что «манипулируемый» несвободен, так как не контролирует свои действия, выполняя чужую волю, возникает вопрос, будет ли поступок свободен, если человек сам является манипулятором? Или им тоже кто-то манипулирует, чтобы он манипулировал другим? И так далее.

Рассуждая о свободе и сознании, Д. Деннет утверждает, что подверженность манипуляциям свойственна не сознательным индивидам, а только животным и детям, не обладающим сознанием, что приводит его к заключению, что человек не так уж далеко отошел от своей животной природы. «Надлежащая человеческая личность – в большей степени неосведомленное создание межличностного дизайна, в котором мы поощряем маленьких детей общаться и, в частности, присоединяться к нашей практике, в которой мы просим показать нам причину и даем ее, а затем приводим умозаключения о том, что делать и почему» [Ibidem, p. 128]. Д. Деннет развивает критику неосознанного и нерационального поведения по нескольким линиям.

Во-первых, он отмечает, что, если поддаться манипуляциям, это приведет к тому, что «пока мы узнаем все больше и больше о наших животных слабостях и то, как технологии убеждения могут использовать их, может казаться, что наша хваленая автономия – неподтвержденный миф» [Ibidem, p. 127]. Таким образом получается, что поддаваться на манипуляции и покупать ненужный товар означает отступить назад по эволюционной лестнице.

Во-вторых, линия анализа описываемого психологического феномена проходит по противоположности взрослости и инфантильности. Деннет пишет: «как мы можем попасть сюда (рациональный, моральный агент) оттуда (аморальная несвобода ребенка)?» [Ibidem, p. 128]. Этим Деннет утверждает, что ребенок не обладает ни свободой, ни моралью, поскольку не может поступать рационально. Но тут возникает вопрос: если поведение ребенка эмпирически можно оценить как рациональное и осознанное, будет ли он тогда объектом для применения критериев морали? Иными словами, налицо противоречие в доказательстве, и аргумент против свободы воли, основанный на примере подверженности человека манипуляциям, не является полноценным и обоснованным в плане решения проблемы о свободе воли и рациональности.

Аргументируя свой тезис об отсутствии свободы воли, Д. Деннет добавляет, что способности человека обязательно являются результатом чего-то, что не зависит от нас, *во-первых*, наследственности: генетики наших родителей или случайной комбинации генов: «Конечно же ни одно из этих различий в вашем наследстве не является фактором, подвластным вашему контролю, поскольку они уже были до того как вы родились» [Ibidem, p. 129]. *Во-вторых*, мы никак не можем повлиять на такие факторы, определяющие наши решения, как место где мы родились, условия, в которых росли, то, как к нам относились окружающие и т.д.

Тем не менее, фактически отрицая свободу воли, Д. Деннет отстаивает позицию компатибилизма. В своем интервью, посвященном свободе воли, Д. Деннет продолжает свои рассуждения и более детально описывает позицию относительно связи причинности и свободы воли: «Мы можем выделить множество видов свободы воли, которыми вы не обладаете, или которые не совместимы с детерминизмом (понятием причинно-следственной связи)» [6]. И он утверждает, что главный вопрос свободы заключается не в том, есть она или нет, а в том, какой именно вид свободы воли стоит желать. Но проблема заключается в том, что фактически на этом он останавливается и не раскрывает вопрос, какие же именно виды свободы воли существуют и какие из них стоит желать. Тем не менее, некоторые варианты ответов можно найти в других его работах.

Так, например, отвечая на вопрос, какой же свободы воли следует желать, в одной из своих статей Д. Деннет говорит: «Это должен быть такой вид свободы воли, который даёт нам политическую свободу перемещаться в государстве, управляемом законом, и делать то, что мы ходим делать» [Там же]. Продолжая эту линию, он пишет, что, чтобы быть свободным, нужно обладать главной способностью «хорошо распознавать намерения других людей управлять вами, и вам необходимо уметь отражать попытки такой манипуляции. Главное, что требуется от свободного человека с высокой моралью – он не должен быть чьей-то марионеткой. А чтобы отразить попытки манипуляции, вы должны быть непредсказуемы. Помочь в этом, к примеру, может совершенно непроницаемое лицо. Если вы не можете скрыть своё внутреннее состояние, когда входите в антикварный магазин, например, то вы готовитесь быть обманутым, вы готовитесь быть управляемым. Если вы не можете скрыть свои убеждения и желания от окружающих, вы станете дефектным элементом с ограниченными возможностями» [Там же].

К вышеописанной характеристике свободы, которой стоит желать, он добавляет еще одну характеристику: «Наши ошибки в таких случаях [подверженность манипуляциям] и правда ошибки свободы – ошибки в тех ответах, которые мы хотели бы дать возможностям и кризисам, которые жизнь бросает в нас. Они зловещие, потому что возможность быть движимым сознательно ценимыми причинами и правда есть одна из разновидностей той свободы воли, которую стоит желать» [7, р. 127]. Кроме того, исходя из предыдущего анализа, можно к этому описанию присовокупить наличие всех желаемых способностей, а также обладание рациональностью и сознанием.

Анализируя рассуждения, проводимые Д. Деннетом, крайне сложно выделить, являются ли эти виды свободы единым целым или действительно разными видами свободы. Некоторые из указанных выше определений взяты из одной и той же ветки аргументации, где автор не дает четкого им разграничения (например, является ли упоминаемая «ошибка свободы» проявлением самой свободы, или есть желание свободы или само есть результат манипуляции и т.д.). Подобного рода нестыковки и несогласованности делают его рассуждения необоснованными, нелогичными и внутренне противоречивыми.

Подводя итоги рассмотрения проблемы соотношения свободы воли и детерминизма в современной нейроэтике на примере когнитивизма Д. Деннета, стоит отметить, что заявленные в ней претендующие на научную новизну рассуждения во многом не являются оригинальными, и некоторые теоретические возражения на них сформулированы уже давно. В качестве заключительного аргумента можно привести актуальную и сегодня цитату из работы Э. Л. Радлова «Этика» (1921 г.): «Нет ничего легче, чем доказать несвободу человека, стоит только сослаться на необходимость, существующую в природе, и на то, что человек есть часть природы, и делу конец. Однако подобное натуралистическое толкование не может уничтожить факта сознания свободы, и нет чувства, которое теснее связано с существом человека, чем чувство свободы. Признание этого факта иллюзией, от которой человек не может отделаться, представляет собой не столько объяснение, сколько перетолкование факта, но никакое объяснение не вправе уничтожать самого факта, подлежащего объяснению. Вместо объяснения нам предлагают отрицание факта» [5, с. 74].

В качестве заключения проведенного анализа можно сформулировать следующие положения. Д. Деннет пользуется типичным для исследований в когнитивистике бихевиористским подходом, который был бы уместен при психологическом исследовании. Таким образом, его исследования о свободе воли в ее психологическом аспекте более уместно будет называть, например, исследованиями внешних поведенческих проявлений независимости. Кроме того, одним из основных моментов критики работ как Д. Деннета, так и других когнитивистов, затрагивающих этические вопросы, можно считать размытое и не всегда верное или осознанное применение терминов. Многие послышки подобных рассуждений и аргументация строятся на терминах, четких определений которых не найти в текстах самих работ, поэтому зачастую он использует их в нескольких значениях, подменяя равноуровневые, а часто и противоположные друг другу понятия одним и тем же словом. Это делает его аргументацию размытой и полной внутренних противоречий. Подводя итог данной статьи, можно утверждать, что этическую теорию Д. Деннета нельзя считать методологически и логически последовательной. Поскольку значение работ Д. Деннета велико в современных когнитивных науках, под сомнение ставится и существование философской этики в когнитивистике в целом. И подводя итоги рассмотрения проблемы соотношения свободы воли и детерминизма в современной нейроэтике на примере когнитивизма Д. Деннета, стоит отметить, что заявленные в ней претендующие на научную новизну рассуждения во многом не являются оригинальными, и некоторые теоретические возражения на них сформулированы уже давно. Тем не менее, научная значимость концепции Д. Деннета во многом обусловлена актуальностью обсуждаемых проблем и необходимостью дальнейшего развития компатибилизма, особенно в русле современных достижений нейрофилософии и нейроэтики.

Список литературы

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53-294.
2. **Кант И.** Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 67-694.
3. **Кант И.** Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. 1. С. 220-310.
4. **Лурье С. Я.** Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Ленинградское отделение Издательства «Наука», 1970. 664 с.
5. **Радлов Э. Л.** Этика // Радлов Э. Л. Этика. Очерк истории древнегреческой этики до Аристотеля. СПб.: Наука, 2002. С. 43-178.
6. **Что такое «свобода воли», и нужна ли она человеку** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.factroom.ru/science/daniel-dennett-free-will> (дата обращения: 10.01.2016).
7. **Dennett D. C.** On Failures of Freedom & the Fear of Science // Deadalus. MIT Press, 2003. Vol. 132. № 6. P. 126-130.

NEURO-ETHICS: PROBLEM OF FREEDOM AND DETERMINISM CORRELATION IN D. DENNETT'S CONCEPTION

Perov Vadim Yur'evich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Novikova Ol'ga Valer'evna

Saint Petersburg University

vadimperov@gmail.com; novikova.o@hotmail.com

The article aims to analyze freedom and determinism in modern neuro-ethics by the example of the works of one of the most influential cognitive scientists D. Dennett. Analyzing his theory the authors identify the key points of his philosophical conception: human actions and their causes are studied from the behavioristic viewpoint, the components of human behaviour are considered meaningful only if they are verifiable by natural sciences. The critical analysis of his works identified methodological and logical errors in D. Dennett's arguments.

Key words and phrases: neuro-ethics; cognitive science; freedom; determinism; causality; rationality.

УДК 94(470).16:357.11

Исторические науки и археология

В статье рассмотрены отдельные аспекты организации военной службы по «прибору» в Московском государстве в XVII веке. Из всего многообразия видов «приборной службы» автор обращает внимание на малоизученные в российской историографии вопросы организации и функционирования «государевой казачьей службы». Обобщен новый материал об особенностях управления городовыми служилыми корпорациями на основе документальных материалов из фондов Российского государственного архива древних актов.

Ключевые слова и фразы: полковая служба; служилые люди по прибору; полковые казаки; городовые стрельцы; стрелецкий и казачий голова; воевода; Стрелецкий приказ; Московское государство.

Пучина Татьяна Анатольевна, к.и.н.

Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

tat1472@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГОРОДСКИМИ СЛУЖИЛЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ КАЗАКОВ «ПРИБОРНОЙ СЛУЖБЫ» XVII ВЕКА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

При освоении новых территорий в XVII веке «специфическую роль в процессе образования городов и формирования городского населения сыграли военные гарнизоны южных городов-крепостей» [3]. На окраины государства переносились сложившиеся формы общественных и служебных взаимоотношений, что гарантировало однотипное поведение людей в повседневной жизни, разрешало конфликты в установленном порядке, обеспечивало устойчивость и предсказуемость функционирования связей внутри служилых обществ. Однако процессы организационного устройства и управления городовыми корпорациями «приборных» служилых людей пограничных регионов имели свои особенности, недостаточно изученные в российской историографии.

В результате реформ Ивана Грозного со 2-й половины XVI века в оборот государственной жизни были включены многочисленные представители средних слоев московского общества «разных приборных чинов и строю». При этом «чином» определялся социальный статус и финансовое обеспечение службы, а «строй» определял характер службы. Так, в сохранившихся документах упоминаются самые разнообразные чины «государевой казачьей службы» – поместные казаки и атаманы, кормовые и гуртовые казаки, «ярославские», «оболенские», «донские», «яицкие» казаки и атаманы, станичные казаки и атаманы. Их служебные обязанности разделялись на городовую службу (сторожевую и станичную) и полковую (дальнюю) службу. Эта «пестрота» чинов и служб еще больше усложнялась различным ведомственным подчинением служилых корпораций.

Исследователи рассматривают Стрелецкий приказ как первый ведомственный приказ «приборной службы», о котором становится известно с 1571 года и который возник, очевидно, в рамках реорганизации сторожевой и станичной службы, проводимой М. Воротынским после разрушительных походов крымских татар весной-летом 1571 года. И. Д. Беляев подчеркивал, что создание Стрелецкого приказа и передача в его ведение из Разрядного приказа стрельцов и казаков пограничных городов противопоставили их дворянам и детям боярским, защищая их корпоративные интересы [2, с. 3-4].

Приказное делопроизводство включало ведение «именных списков», ведомостей выдачи «денежного и хлебного жалования» полковых казаков и городовых стрельцов. Здесь же хранились писцовые и переписные книги, дела по разбору «больших» судебных дел, производился отпуск «стрелецких и казачьих голов» в города [9, д. 1525, л. 143]. Регулярные данные о количестве служилых стрельцов и казаков, их службе и финансовом обеспечении с 30-х гг. XVII века в достаточном количестве сохранились в архивных делах фонда Разрядного приказа РГАДА. Под юрисдикцию приказа попадали также родственники и все люди, проживающие вместе